

ОТ АВТОРА

Книга стихов „Тбилиси“ состоит из трех, приблизительно равных по размеру, частей: оригинальные стихотворения автора, переводы грузинских классиков, переводы современных грузинских поэтов.

В работе моей над переводами мне помогали найти наиболее характерные вещи того или другого поэта. Я не мог, разумеется, охватить всех ныне здравствующих поэтов, которыми так небогата Грузия, а равно и творчества тех из них, чьи отдельные вещи переводил. Это объясняется и размерами книги, и временем, и тем, что автор переводов не является профессиональным переводчиком. работа моя была продиктована собственным внутренним желанием ощутить возможно полнее, в процессе творческой переплавки, поэтическую культуру народа, среди которого я последнее время живу.

А что касается оригинальных стихотворений, то и в них, думается, в какой-то мере отражено восприятие новой для меня страны и, в частности, ее столицы. Все стихотворения книги написаны в этом городе, и самая книга носит его имя.

Тбилиси.

И. Н.

9 июля 1942 г.

СТАРЫЙ ДАВИД

Ночь над Тбилиси и снежная буря,
Южный потомок ледяных вершин,
Скалы нахмуря, ущелья сощуря,
Встретил ее один на один.
Нет, не один. Александр Грибоедов
Внемлет пурге. И он знал бои:
Крепит и отсюда волю к победам,
Родине шлет он силы свои.
Илья Чавчавадзе, Важа Пшавела
С флангов обходят рати врага:
Родному народу лира их пела—
Досель дорога—мудра, строга.
С гневной усмешкой и ты, Церетели,
Милый Акакий, сможешь пропеть
Так, что слова твои лягут у цели,
Как победу несущая медь.
Но и еще Александра—дыханье,
Поступь в Тбилиси его слышна:
Пушкин—народных сердец колыханье—
С нами он, здесь;—так с ним и страна!
Да и все мы, Давид, рядом с тобою,
Слышим мы орд пронзительный вой,
У спянных грозной, славной судьбою
Первая мысль—это зов на бой!
Так пусть завывает снежная буря,—
Духом превыше ледяных вершин,
Скалы нахмуря, ущелья сощуря,

Январь 1942 г.

Старый Давид стоит—не один!

У ОКНА

Там обожженные поля,
Там вытоптаные луга,
Там обнаженная земля—
Земля моя пуста, нага.
Я здесь на дерево гляжу:
Покровы содрала зима,
Один скелет... какая жуть!
Не смерть ли то глядит сама?
Но знаю: прибывает день,
Но слышу соков тайный ход...
Весна, листвой его одень!
Весна, вперед! Весна, в поход!
Так зацветут и там луга,
Заколятся вновь поля,
Как молодой весны загар—
Воскреснешь ты, моя земля!

Январь 1942 г.

СМЕРТЬ УЗКА

О как же смерть узка! Хочу разлиться шире:
В дыханьи воздуха, и света, и тепла,
Чтоб пело, плыло все в моем подлунном мире -
И чтоб душа, не отцветав, жила.
Достоин ли мой стих сей участи желанной,
Дано ль ему дышать в дыханьи мировом,
Иль затеряется в голубизне пространной,
Или уснет забвенным мертвым сном?
Мой голос и напев даны природой русской,
А мудрости душа училась у любви,
Не оттого ли смерть и кажется мне узкой?
Сердечное тепло мое, живи!

Февраль 1942 г.

Две инерции

Пространство как инерция покоя!
Она стоит и умирает стоя,
А время ветром и рекой шумит.
Кипит, бурлит, всему меняя вид.
Недвижности невыносимо бремя:
Лети ж, инерция движенья—время!
Порою ты сурова и строга,
Но размывай покоя берега.
Меняет вновь и вновь лицо вселенной
Порыв твой страстный, вечный, непременный.
Плыви, зови, казни, ликуй, гори -
И смертный мир в бессмертии твори!

Март 1942 г.

ГРУЗИНСКАЯ СКАЗОЧКА

У меня ль, у несчастной старухи,
Крысы зубами жнут ниву,
Перевесла львицы готовят,
Барсы снопы мне вяжут,
Горные духи в арбу запряжены,
На гумно везут копны,
Молотилку крутят олени,
И на каждом сидит ангел,
Песенку напевает;
Кабаны мне гумно поправляют,
Лисы гумно подметают,
Медведи мешки таскают,
В подвалы зерно опускают,
Волки на мельницу скачут,
Пшеницу на мельнице мелют;
Жаворонка отсылаю на небо,
Чтобы все птицы собрались:
Тетерев мне муку просеивает,
Куропатка тесто месит,
Сорока скалкой катает,
Голуби пекут лаваша,
Горлицы достают их из печки,
Ласточки кладут на подносы;
Птицы за стол садятся,
У старухи они как гости.
Сами птицы сажают фазана
За красоту его в середине,
А собаку, беднягу-дворнягу,
На самый конец стола гонят,
Скворца же сажают поближе,
Чтоб он им поиграл на чонгури.

Март 1942 г.

ВЕЧЕР

За горы солнце опустилось
И вечера легла рука:
Внизу туман и тень, остылость,
Вверху ж—дневные облака.

И жизни меркнет так движенье,
Но в глуби всё жива река:
Еще блистают в отраженьи
Еще дневные облака:

Апрель 1942 г.

ПОХВАЛА ЖАДНОСТИ

В вечерний час там, над грядой,
До влаги жадной наклонились—
До жизни жадною гурьбой
Цветы в бутонах: как приснились!
Едва апрель. Смотрите вы:
Весны испарина, прохладность,
И ветки годы, нет листвы,
А у цветов — раскрыться жадность.
Несообразность этих слов:
«Прелестна жадность» — мне понятна,
Но как сквозь синий тот покров
Чудесны розовые пятна!
Глядим в весеннее окно,
Как вместе — мягкость, жадность, нежность!
Цветы, любовь и мир — одно:
И неизбежность, и безбрежность,
Так саду суждено, дозрев,
Весною ранней вновь томиться,
Так в жатве новый скрыт посев,
Так миру быть и не избыться.

Апрель 1942 г.

ЯЗЫК НАРОДА

Всяк язык—как цветение дерева,
Горы, реки, луга и предгорья,
Над народом язык—словно зарево:
Мысли, страсти, и жизнь, и история.

В слове сжаты все жизни совместные,
Всё теченьем веков отшлифовано,
Но под ведомым дремлет безвестное,
Ждет своих мудрецов-простоцев оно.

В простоте больше мудрости сыщется,
Чем во многих реченьях томительных:
Сердцем найдена, мыслию движется
У поэтов — великих, пленительных.

Через них постигаем и чуждую
Нам по форме, по духу же сродную,
Правду вечную — вечно нам нужную:
Душу мы постигаем народную.

Апрель 1942 г.

ПОЭТАМ ГРУЗИИ

Поэты Грузии—Куры журчанью
Сродни, и ветру, щебету листвы

Давно уже знакомы по названию,
Но лишь теперь мне приоткрылись вы

И, мнится, я дыханье различаю
Особое-вот тут, и чуть иное здесь;
Стакан вина, с лимоном чашка чаю,
Ищу я слов, прислушиваясь весь.

Мы с музой вместе в горы поднялися
От яблони родной, но, бытие здесь для,
Отрадно мне с поэтами Тбилиси
Вдруг процвести и веткой миндаля.

Я вновь Москву увижу не на карте,
«Мшвидобит» вам скажу, иль русское «прости»
Пока же здесь, дышу дыханьем Картли,
Дабы ваш стих до русских донести.

Апрель 1942 г.

ВЕЧЕРНЕЕ ДЕТСТВО

И вечер бывает ребенком,
Гляди: поразвесил пеленки
Прозрачный и ровный закат;
И день отлетает далече,
Взамен улыбается вечер;
Родиться, как-всякий, он рад.

И выглянет—пепельный, томный,
Не светлый взойдет и не темный—
В уборе из палевых лент;
И сколько же сменит он мантий—
Взрощенный закатом романтик,
Отчасти же и декадент.

Нам внятны те зыбкие вздохи—
Нам, детям вечерней эпохи,
Не знавшим жары, ни огня;
Но дожили: сквозь занавески
Мы солнце увидели в блеске
Просторного, долгого дня.

Апрель 1942 г.

РЕКИ

Вот река, заведи с ней знакомство -
Глубоки ее воды, широки,

Не дробится река на потомство,
А в себя поглощает притоки.

А у дуба дочерние ветви-
Порожденье ствола основного,
И рождает, поит их столетний,
Что ни год, то все снова и снова.

Человеческой жизни подобный,
Возрастает, пленяя нам взоры:
И у нас ведь-под костью надлюбной —
Тех же веток-извилил узоры.

С чем же реку сравнить мне в природе -
С жизнью полнящейся, недробимой ?
Не найти ли мне сходства в народе?
Что ты скажешь, народ мой любимый ?

Ты не пел ли про матушку Волгу,
Про Хвалынское синее море?
В песне трудной, и ладной, и долгой
Изливал ты и радость и горе.

Не в тебя ли, о родина, жизнью
Наших быстрых впадают потоки?
Песня всплеском у берега брызнет
И в простор понесется широкий.

Знать, бывают сыновние муки,
Знать, бывают дочерние слезы,
Что тебя обнимают как руки,
Что тебя оплетают как лозы.

Апрель 1942 г.

АРАБЕСКИ

Ирония

Ирония, спутница души,
Прохладою мне умеряет чувства:
„Ты любишь ли правдивое искусство?
Так очаровываться не спеши!“

Всемеру

Даже музыки избыток,
Как бы дух твой ни алкал,
В душу льется, как напиток
В переполненный бокал.

Говорит строгая женщина
Поэзия мне не сестра. Я прозы
Люблю размеры строгие. У розы
Шипы люблю: в них правда бытия.
Ну... а цветком хотела б быть и я!

В концерте

О. М. Н.

Перед ясным тем взглядом,
О, не будь многословен:
Уживаются рядом
В ней Моцарт и Бетховен.

Старые ивы

Видно, соки молодые живы,
Погляди на ивы над прудом:
Старые, а разве не красивы?
Как цветут, и пчел какой содом!

Раздумье

И думаю в прохладе, не спеша:
Вот женщина—как бабочка порхает,
В движении чудесно хороша,
В спокойствии—чего-то не хватает.

Портрет

Войди в приемную и глянь:
Дела струятся, словно игры,
Сама сидит — скромна, как лань,
Зато в глазах играют — тигры.

1942 г.

СИРЕНЬ

Как пчела на сирень налетела
И прижала к груди, чуть дыша,
И еще неумело, несмело
Лепестки целовала спеша.

И свой носик в цветы окуная, —
Хоботком этим запах сосать,
В час вечернего мая, — немая —
Ничего не смогла ты сказать.

Не успел и лица распознать я,
И в глаза заглянуть не успел,
Как оборкою легкого платья,
Лепестком этот сон отлетел.

Юность милая, пчелкою быстрой
Ты и мед для улья соберешь,
Соты стройные, чистые выстроишь
И в стихах ты моих не умрешь.

Май 1942 г.

РАЗЛУКА С ТБИЛИСИ

(Старинная весенняя)

Не Севилья, не Гренада,
Но в мерцании лучей
Мне Тбилиси был отрада

И услада для очей.

Нет, милей на свете вида
Не создал, как видно, бог,
Здесь рассыпав для Давида
Из огней ковер у ног.

Я помню: все выси
Луною зажглись,
И светлый Тбилиси
Сам-горная высь.

Не Гренада, не Севилья
Те кавказские края,
Но запомнил эту быль я,
В глуби сердца затая.

В ночь, как на небе стожары
Пораскинули шатры,
Слыша... поступь я Тамары
Сквозь журчание Куры.
Сейчас ты далеко,
Но сердца коснись,
Проснись, мое око,
Тбилиси, вернись!

Май 1942 г.

ПРЕДКИ

Предки в земле будто корни:
Корни невидимы глазу,
Но и ветвей непокорней,
Как зашумят там все сразу.

Внемли могучей той рати,
Той укрепляющей силе:
Землю из мощных объятий
Не отдадут и в могиле!

С древности верность хранили
Предкам, их память лелея,
Те же потомков крепили
Силой земною Антея.

Предки в земле будто корни:
Корни невидимы глазу,
Но и ветвей непокорней,
Как зашумят там все сразу.

Май 1942 г.

НОЧЬЮ

В молчании ночи таинственной
Безмолвно плывет под луной

Серебряный облак—единственный
На выси небес голубой.

Луна—как Диана божественна,
И месяц, двурогий, как лук,
С наплечием слит ее девственным,
И небо пред нею — как луг.

А стрелы — лучи неприметные -
Безбольно вонзаются в грудь
И будят те чувства заветные,
Где радость похоже на грусть.

И сам я, как облак таинственный,
В безмолвной той ночи плыву
В ладье моей Жизни—единственной,
Что жизнью своей назову.

Май 1942 г.

ЗВЕЗДА

И ночь, луна, и зыбкого тумана
И здесь, и там заблудшие стада -
Все это явь, не сон и не нирвана:
Горит меж облаков моя звезда.

И с ней — совсем как с совестью своею,
В дыхании нелицемерных гор,
Лишь только ночь прохладою повеет,
Я завожу неспешный разговор.

И колыбель, и розовое детство,
Причудливую юность и стихи,
И что свое, что получил в наследство,
И чистоту, и разума грехи,—

Ты освещала всё своим сияньем,
Звезда души - родимая звезда!
Но был ли сердцем я с тобой слиянным
На всех путях моих—езде, всегда?

Порою тучи небо закрывали,
Не зная сам, о чем, я тосковал,
Писал себе я новые скрижали,
А старые, как сон, позабывал.

Но сон и явь нам суждены природой:
В противоречьях трудного пути,
Преодолев мучительные роды,
Найти себя и правдой зацвести.

Пусть отходил, но вот—не в оправданье

Себе шепчу: я верен был всегда
Тебе, о чистое небес дыханье,
Тебе, прохладная моя звезда!

Июнь 1942 г.

ИСТОЧНИК

Стих-не природы ль явленье,
Не шелестят ли в нем листья,
Птичек залетное пенье,
Говор ручья серебристый?

Слышишь, как каплю за каплей
Слезы роняет источник?
Брызги бумагу закаплют,
Словно невнятный подстрочник.

Жалобы, стоны иль зовы -
Всё, что в нем сердцем расслышишь,
Без перевода на слово
Ритмом стиха проколышешь.

Июнь 1942 г.

РОДНОЕ

Сколько рек и ручьев, и журчанья
На родимой, на нашей земле,
Под луной голубого молчанья,
Щебетанья в предутренней мгле!

Полны вольного чувства просторы
И раздумчивой мысли леса,
Звезды смотрятся в очи - озера,
Где плывут облаков паруса.

И сирени прохладным дыханьем
Под рассыпчатый шелк соловьев,
И дневным, и ночным колыханьем
Преисполнена жизнь до краев.

Так от самой моей колыбели
До укутанных в иней волос
Голоса мне родимые пели
И дымилось сияние рос.

Никли хмеля зеленые косы,
И светло трепетали кусты,
Земляничкой горели ,откосы,
Улыбалась мне, родина, ты!

Сколько сказок прослушано мною,
Сколько песен струится в груди,
Простотою и мощью какою

Дышишь ты—позади... впереди!

Впереди — ибо верю и знаю,
Что, бессмертная, ты не умрешь,
И опять вся от края до края —
Навсегда — зацветешь, запоешь!

Июнь 1942 г.

ВОЛЬНЫЕ СТРОКИ

Перелетная птичка
На морском берегу
Оставляет нам оттиски лапок;

Улетела давно,
Но тот след стерегут
Сами волны, боятся закапать.

Ветер бабочкой сел
На черемухи куст
И, вдохнув ее цвет, отлетает;

Только миг—и вверху
Ароматами чувств
С облаками, порхая, играет.

Кроме грубого, в мире
Легчайшее есть,
Жизнью тоже и это зовется;

Видим легкий тот след,
Слышим запаха весть —
Лишь к природе душа прикоснется.

Июнь 1942 г.

ЮЖНАЯ ВЕСНА

Весна на юге началась во мне,
Еще безмолвны под корою почки,
Но разговариваю я во сне,
А поутру поют, как птицы, строчки.

Слова и образы толпятся, опоздать
Боятся в свет, под солнышком пригреться,
И тормозят, чтоб поскорее встать,
И я от них — куда, не знаю, деться.

Все шевелится соками в груди,
И музыкою набухают пальцы,
И шелковую нить—изволь: пряди,
И вышивать садись живей за пальцы.

Хоть музыки вино должно созреть,
И время нужно, чтоб подняться сливкам,

Но не могу в молчании неметь,
И доверяюсь крохотным обрывкам.

Мелодия, иль образ, иль намек,
Но уж не спит и ворошится почка...
Листок? Цветок? Не знаю, дайте срок -
Там, на полях измятого листочка.

Их ворох вот — шуршит вблизи меня...
Спокойствия ли пологом прикрою,
Но жизнь свою все звенят;
Весной бушуют вольной под корою.

Гляжу на дерево и понимаю — в нем
Как всё прошло в движенье и волненье:
То трепет бытия и радости подъем,
Весны победной вдохновенье!

Так — ничего снаружи не видать,
Но мирозданьем новым я владею:
Весною обуян, весне под стать—
Так старым деревом я молодею.

Июнь 1942 г.

БУКЕТ

Ромашки, васильки и дрёма:
И день воскресный, и букет...
Как все мучительно знакомо
От первых, росных, детских лет!

Вот ростом вровень мне ромашки,
И дрёмы поцелуй в лицо,
И поясок свой у рубашки
На палец я кручу в кольцо.

Задумчивости у ребенка
Тогда уж было много, но
Как и зато смеялся звонко,
Как в мир распахнуто окно!

И между рожью на рубежик
Любил я бегать босиком,
А ветер волосенки нежил,
А каждый камушек знаком...

И васильки сияли синью —
Кусочек неба на земле,
И пахло медом и полынью,
Гвоздики огонек алел.

И бабочки полет воздушный,
И голубой по ветру лен -

За всем следил я, простодушный,
Не зная сам, во всё влюблен.

Очарование незнания,
дыханья сущности вещей:
Не зная берегов названья,
Звенит прохладою ручей.

Не знаю сам, я дал иль не дал,
Но рад был знать, что вот коснусь
Тех дней, когда еще не ведал,
Что это все зовется—Русь.

Июнь 1942 г.

У ГРИБОЕДОВА

Кипарис у чугунной решетки,
Церковь древняя в сером плаще,
щебетанье пичуги залетной,
Солнца луч на могильном плюще.

Здесь века приютили как сына -
Кто умел и любить, и страдать,
Не умея давать вполовину,
Но умея всё сразу отдать.
Июнь 1942 г.

НА ЗАРЕ

Юный весенний росток,
Бледно-зеленая хвоя,
Чуть розовея, восток
Чуть пронизал голубое.

Только дыханье зари,
А уже песне не спится,
Не с кем еще говорить,
А уж творенье творится.

Коли достоин, испей,
Ту мирозданья беспечность:
Это мерцанье лучей -
Как мимолетная вечность.

Июнь 1942 г.

ЭКСПРОМТ

Грузинки - как быстро седеют,
И к ним седина - как идет:
Цветы на столе хорошеют,
Когда за окошками лед.

И как на весну все похоже:
Ведь декоративна зима,
Коль яркий румянец, под кожей
И с розой ты схожа сама.

Июнь 1942 г.

КАЗБЕК И ТЕРЕК

(Из Ильи Чавчавадзе ¹).

Казбек и Терек! Ни единое
Не кроет облако снега,
Серебряной блестящей льдиною
Стоит гора—бела, строга.
Она приводит в изумление,
Как в панцырь—в лед одета грудь:
Тревога, суета, волнение—
О них не мыслит и вздохнуть.
Казбеку шапкой—небо синее;
Как лапти—для него земля,
Стоит старик в спокойном инее,
Лишь ледники едва звенят.
Той немоте и безразличию
В сияньи медленных лучей,
Тому бесстрастному величию
Не поклонюсь в душе моей.
Но там внизу, под высью льдистою
Сей отрешенной чистоты,—
Благословен да будь единственный—
Бурливый, мутный Терек ты!
Твой зов звучит как повеление,
Как голос боевой трубы:
Далек от самоупоения,
Кипишь для жизни и борьбы.
Достоин образ тот признания:
И плеск, и шум страстей полны,
И мусор мчишь ты с рокотанием,
Как скорбный пепел всей страны.
Казбек—как Гете, перелистывай
Аисты: в них мудрости испей,
А Терек, Байрон мой неистовый,
Прекрасен буйностью своей!
Остановись хоть на мгновение—
И лужей грязной станешь стыть:
Лягушек кваканье — не пение,

Его тоскливость не избыть...
Движение, Терек, лишь движение
Дарует миру силу жить.

Июнь 1942 г.

¹ У Ильи Чавчавадзе это отрывок из прозаической вещи „Записки проезжего“, но строки эти исполнены такого поэтического движения, что захотелось передать их в стихах.

СЛЁЗЫ

Над рекою девушка стояла
И с обрыва уронила слёзы,
Солнце их лучами озарило,
Пали в воду лепестками розы.

Легким облачком Поднялась влага,,
Розовея, понеслась на запад,
Ветерок несет ее тихонько,
Чтоб слезам до срока не прокапать.

Воин раненый лежит у леса, А
Только в небе не грохочут пушки: ?
Он глядит, как легкой кисеею
Облачко проплыло от опушки.

И родным повеяло дыханьем,
И знакомый просквозил в нем облиты
И упали слезы те на раны,
И сестрою обернулся облак.

И усталые смежились веки,
Будто лег на землю, отдыхая:
Солнце, дождик, детство золотое,.
Родина от края и до края.

Июль 1942 г.

СКАЗКА

Серный источник сочится из гор,
Серна купает в той лужице взор,
Тихо, безлюдье, шиповник цветет,
Благоухают цветы, будто мед.
Люди пришли и источник нашли,
Слава о водах —вблизи и вдали,
Стелются толпы как зыбкий ковыль,
За костылем подымая костыль.
Серные воды берут их тела
И вымывают болезнь до бела,
Радость шиповником в них зацветет,
А благодарность на сердце — как мед.

Толпы сюда — и надежда, и страх!—
Льются безмолвные — на костылях,
А, возвращаясь,— костыль за горой!—
Резвыми сернами скачут домой.

Июль 1942 г.

НА ЧТЕНИИ «АБДУЛ-МЕССИИ»

Война и Тбилиси. А пел Руставели,
И пел Чахрухадзе, и двое Шавтели,
И времени реки далеко ушли
По горным ущельям той древней земли.
Но прошлого не умирают картины,
И слушают в зале грузинки, грузины,
И слушает русский задумчивый гость
И ловит стихов виноградную гроздь.
Да, пышность Востока; да, кисть винограда;
Да, пестрый узор звукового наряда:
Тамара как тополь. Тамара луна,
И троице вышней Тамара равна.
И строфы за строфами в строгом порядке,
Как горных пластов обнаженные складки,
И вовсе не сад, а потоки несут
Взволнованной мысли подземную суть.
Поет христианство, душою язычник;
Туманно порою, но сильно и зычно,
А то и нежнейше заставил он петь
И термины-камни: в потоке звенеть!
И вот не писательский зал, а чертоги,
Царицы самой очертания строги,
Но розовонежным овалом лица
Она приковала глаза пришлеца.
От южных степей у Днепра и у Дона
Родною строною навек полоненный
И чуждого плена познавший конец,
Здесь между грузинами — русский певец.
Через Византию — в Тбилиси: Буй-Тура
Он ищет повсюду... Но пенится сура,
И только внимает, спокойно молчит,
А как запевают на сердце ключи!
„Народ не чужой; как и мы, православный,
Здесь, вижу — Тамара, у нас — Ярославна!"
И, вспомнив родную красу, просиял
И, тихо склонившись, пригубил бокал.
Так прошлого не умирают виденья,
Так живы народы и в слове и в пеньи,
Так, звуков ловя виноградную гроздь,
Шавтели внимает задумчивый гость.

Июль 1942 г.

НА ПРОЩАНИЕ

На дальнем Юге бродит северянин
И мысленно ведет о нем рассказ:
Все тот же мир, но он немного странен
Для этих любопытствующих глаз.
Домов над ярусом нависший ярус
Медведица на крыше сторожит,
А месяц новый, что у нас как парус,
Порой здесь легкою ладьей лежит.
Цветы зимой... Но каждый русский ахнет,
Когда, храня весенний, талый вид,
Подснежник вдруг черемухой запахнет,
Иль веткой вербы назовут самшит.
Запомнится, как ласточки-мерцхали,
Задержанные на пути войной,—
Как беженцы теснимые, мерцали
В час вечера гонимую толпой.
Запомнит он и осликов шершавых,
И рядом куртку в куртке расписной,
Порошу снега на зеленых травах,
Глазок фиалки теплою зимой;
Запомнит все: и небыли, и были,
И ветерок как русский налетал,
И как всерьез малютка швили - швили
Однажды бабуа его назвал.

Июль 1942 г.

Переводы

НАРОДНАЯ БАЛЛАДА О БАРСЕ И ОБ ОХОТНИКЕ

Юноша так бы сказал:
"Шел по утесу тропами-
Там, где охочусь всегда,
Между крутыми горами.
Вижу: стоят в стороне
Серны, поводят ушами.
Выстрелил — рухнул вожак,
Эхо рождая рогами...
Вдруг повстречался мне барс.
Полночь сияла звездами.
Он подлетел и блеснул
Гордо и гневно глазами.
Стали бороться мы с ним,
Рухнули скалы над нами,
Ветви ломались в лесах,
Дрогнул утес под ногами"...
Времени не было ждать:
Битве не длиться часами!
Щит? Но стремителен барс:

Когти вонзаются сами...
Он разрывает подол,
Цепь у кольчуги когтями;
Юноша выхватил меч:
Если бы биться мечами!
Сталь не изменит... И вот
Меч он хватает руками,—
Барс над ущельем повис,
Капает кровь над песками...
Лег на вершине и сам,
С телом душа расстается:
Красным тут станет песок,
Кровь над ущельем прольется.

Будут ли в хижине там
Наши гадалки так смелы -
Матери правду сказать:
„Сгибли охотничьи стрелы!"

Правду узнала, увы!
Стонет, уходит из хаты:
„С сыном ведь встретился барс-
Гневный и злой, и проклятый...
С лапами барс, сын мой с мечом-
День им угас до заката...
Барс был не трус, но и сын
Встретил его не со страхом.
Равно не ведом им стыд:
Рядом покоятся прахом."

К сыну склоняется мать,
Капают слезы на раны:
„Сын, ты не умер, ты спишь -
Тяжек был труд несказанный!
Как тот проклятый сумел
Сталь разорвать, это странно...
Ты был достойным его -
Меч обломав от ударов.
Краткий он дал тебе срок,—
Срок и ему не продлится!
Так и щитом, что в руках,
Ты ведь не смог защититься;
Так и порубленный барс
Лапой не мог заградиться...
Плакать не надо, мой сын,
Больше слезе не пролиться!
Вот и могила... Прощай,
Имя твое да святится!
Буду, единственный мой,
Битвою с барсом гордиться".

Оба — то барс, а то сын -

Снились ей часто ночами:
Вот будто барс, налетев,
Бьет по кольчуге когтями,"
Вот ее собственный сын
Барса кидает рывками...
Так-то ей грезилось в ночь,
А просыпалась с слезами.

Думала: „Выращен мной-
Что-нибудь это да значит!
Ну, а коль барсова мать
Горше меня еще плачет?
К ней я пойду, разделю
Горькую с ней незадачу.
Скажет она мне свое,
Я про свое ей отвечу...
Да, тяжело ведь и ей
Помнить ту грозную сечу!"

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ ПАХАРЬ

Взад-вперед, плуг, не спорь
Ты ж, колесико, вторь!
Народное

О Лаба, одна у нас доля с тобою,
Удел наш — трудиться над черной землей,

Тянуть нашу лямку, и преданно, честно
Закончить без радости путь наш безвестный.

Пласты поднимая, кладем на пласты их,
И пота пусть капли прольются простые.

Ярмо хоть влачишь бороздой еле-еле,—
Твое — не грусти — моего не тяжеле.

Гляжу, как и ты, все я в землю, мой милый,
А небо мое, знать, похитили силой.

Так жертва мы оба могилы и тленья,
И не избежать нам по смерти забвенья.

Владею я речью, живешь ты с обидой:
Л я вот безгласен... Но, нет, не завидуй:

Вот острая сабля — чего она стоит,
На что мне, коль будет для правды тупою?

И плугом мы пашем, мой Лаба, затем ли,
Чтоб мелко царапать, скоблить наши земли,

Не вырвав, не выдрав те сорные травы,
Что наши посевы глушат не по праву?

Достоинству, чести, несчастьем и горю
Кипение сердца в груди моей вторит,

И в сердце слова зарождаются страстно,
Но в сердце ж они умирают безгласно.

Тебе не постигнуть мученья такого:
Убить в себе правды горячее слово!

Вот тут Положись на меня, о мой Лаба:
С моим по сравненью — ярмо твое слабо.

Так что ж ты грустишь? Уж такая знать доля,
Тяни свою лямку до крайнего поля.

Нет, ты не изменишь, товарищ покорный:
Ты пахаря кормишь, тебя он — прокормит!

1858

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ ЭЛЕГИЯ

Бледный свет от луны серебристой
Сверху лег над родною страной,
Очерк гор и далекий, и чистый
С далью легкой слился, голубою.

Ниоткуда ни голоса, зова,
Сыну мать ничего не промолвит,
Лишь грузин — без единого слова -
Сон тяжелыми стопами полнит.

И стою одиноко, и мнится -
Тень от гор колыхает виденья...
Боже! Сон наш все длится и длится,
Но дождемся когда ж пробужденья?

1859

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ ПОЭТ

Не для того пою, чтоб петь
Подобно птичке в чистом поле,
Не только сладостно звенеть
Мне указывает божья воля.

Поставлен небом, а народ
Небесного — земной питает,
Я с богом говорю, и вот

Вести народ он завещает.

Алтарь у бога весь в огне,
Он и во мне — огонь участия:
С ним быть народа другом мне -
Во дни и счастья, и несчастья.

Народа раны — все мои,
Гореть их муками живыми,
Все горести его испить,
Всю радость, закаляясь ими!

Когда ж падучею звездой
В грудь ниспадет огонь вдохновенья,
Тогда, и лишь тогда, ты пой,
Стирая слезы и мученья.

1860

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ БАЗАЛЕТСКОЕ ОЗЕРО

В озере на Базалетах,
Говорят, есть под водой
Дивный сад, всегда цветущий,
С колыбелью золотой.

Дивный сад тот вечно зелен,
Никогда не вянет он,
Смене холода и жара,
Говорят, не подчинен.

Зелени той не осилит
Ни зима, ни летний зной,
Солнечный тенистый воздух
Веет вечною весной.

А в саду посередине
И стоит та колыбель,
Но никто туда спуститься
Не отважился досель.

Только птички сиринозы
Пребывают, будто, тут,
Только, вещие, над нею
Песни райские поют.

Спрятала сама Тамара
Колыбель на месте том,
А народ ее слезами -
Озерным покрыл шатром.

Но того не говорят нам,
Кто царицей спрятан был,

И народ зачем те слезы
Целым озером пролил.

Может, тот лежит, чье имя
Не промолвит ни один,
Но о ком и днем и ночью
Все мечтанья всех грузин.

Если так, как счастлив будет
Добрый молодец, рукой
Первый кто ее коснется -
Колыбели золотой.

Если так, как та счастлива
Будет доблестная мать,
Что в тот час благословенный
Может грудь ребенку дать.

1883 г.

АКАКИЙ ЦЕРЕТЕЛИ ПЕСНЬ МАТЕРИ

Девять месяцев я носила тебя,
Ахом родила, охом вырастила,
Так чему ж ты дивишься, что мать
Любит больше тебя, чем другие все?

Та на мужа переменяла отца,
И отыщет другого жена-вдова,
Ну, а к сыну любовь — вместе с матерью
И в могилу сойдет, в мать сыру-землю.

Близко — сердцем она отзывается,
А как он далеко — о нем думы все,
Но без дум за него сложит голову,
Жизнь за сына отдаст, за любимого.

Как расстались с тобою, о сын ты мой,
Пал туман на душе, мысли черные:
Ты не голоден ли, есть ли что испить?
И не холодно ли, и накрыт ли ты?

И на бранной земле, как про то мне знать,
Не лежишь ли со вражьей в груди стрелой,
А чтоб рану ту перевязать тебе,
Матери нет и нет — родимой твоей.

Ой, как стая вдруг налетит воронья -
Черным клювом клевать очи ясные,
А оседланный конь, без хозяина,
Ржет и топчет ногою ковыль-траву.

Эх, а в кудрях твоих, да в курчавых тех -

1875 г.

В них не вьет ли пичуга гнездо себе?
Коли так, в ту серую птичку в степи
Превратившись, и мать к тебе прилетить.

АКАКИЙ ЦЕРЕТЕЛИ ГРУЗИНКА

На холме стоит грузинка,
Смотрит на далекий путь,
И сердечное волнение
Ей мешает и вздохнуть.

Как хотелось бы скорее
Судьбы родины узнать!
Издали гонца приметив,
Вся затрепетала мать.

Крикнула, как стал он близко:
„Без утайки говори!
А не то, клянусь я небом,
Не раскаялся б, смотрит”

Робко раб вперед ступает,
Со стенанием поник:
„Горе! Лучше бы отнялся
Грешный, горький мой язык!

Знать, накаркал над тобою
Черный ворон, твой злодей;
Что несчастному ответить
Потерявшей сыновей?”

Женщина сказала: „Тише,
Я о том не говорю,
Но татарам ли победа
Или нашему царю?”

„Что изволили сказать вы ?
Нас — татарину разбить?
Сам грузин не нападает;
Но врагов готов разить!
Сераскир бежал сраженный,
Смят и страхом сокрушен,
А грузины славят бога,
Царь наш славен Соломон!”

Крестится в ответ грузинка.
„А теперь... да не томи-
Слава вышня грузинам,—
А с моими что детьми?”

„Старшего нет, Александра,
Смерть склонилась над ним;
Подоспел в подмогу младший-
И ему прервали дни.

Вражья пуля их скосила,
В грудь вонзилась она;
Умерли, но незабвенны
Их отныне имена!..."

И слеза остановилась
На ресницах, стала мать
Так бледна, как горстка пепла,
Стука сердца не унять.

Но сказала: „Взрастила
Верных Грузии сынов!
Оттого над самым горем
Чувства сладкого покров.

Были рождены для блага
Родины — мои сыны,
Твердо вынести потери
Все грузинки мы должны!"

Так сказала и спросила:
„Ну, а средний... грудью встал,
Отомстил за павших братьев?
Сноп связал ли из татар"

„Госпожа, тебя не смею
Обмануть, я долго жил:
Этот славы и почета
Трусостью не заслужил.

Да, как старший твой и младший
Ринулись на вражий шквал,
Тот лежал в лесу, и в страхе
Сердцем, животом дрожал."

При словах тех у грузинки
Помутился ясный взор,
Обнажает грудь, срывает
С воплем головной убор.

„Посрамленной той лечаки -
Горе! Горе и грудям,
Горе матери, чье сердце
Сын ножом пронзил ей сам!

Не о доблестных я плачу,
О погибнувших в бою,

1881 г.

А о подло сохранившем
Жизнь ослиную свою!"

АКАКИЙ ЦЕРЕТЕЛИ
РАССВЕТ

Мтацминда пред утром задумалась
За звездой следит искристою,
А сверху лучи рассыпаются
Над могилой¹ жертвенной, чистою.

И стоит Мтацминда в безмолвии,
Тихий плеск Куры-реки слушая:
Колыбельную песнь поет река
Рыцарю, спины не согнувшему...

Обнимает ее Мтацминда-мать -
Могилу, векам незабвенную,
Вручает отцу, Давиду она
Память друга страны нетленную.

И поэт, всем сердцем взволнованный,
Страну озирает окрестную.
Заветную мысль напевает он,
Красоту воспекает чудесную:

„Бирюза небес, изумруд земли,
Ты, простор мой края родимого,
Я вернулся к тебе совсем больной,
А ты встреть меня, исцели меня!..

Сиротства моего не вынес я,
Без тебя лил слезы кровавые;
Поспешил к тебе, увидеть тебя:
Жизнь в разлуке была — отравой.

И с улыбкой тут меня встретили
И солнце твое, и твоя луна,
Сонмы сонмов твоих блестящих звезд,
Под лучами их ночь огня полка.

¹ Могила Д. Кипиани, известного груз. общест. деятеля
И на сердце радость сверкнула мне,
Печали прогнал я отжитые,
Фиалки и розы увядшие -
Воскреси их мне, оживи ты их!..

Бирюза небес, изумруд земли,
Душу мне вдохнул, ты, о край живой,
Возродил меня, и я весь с тобой,
Для тебя умру, как печальник твой!..

Не отринь живого, ни мертвого,
И когда умру, на прощание
Ты полою своей укрой меня,
Запомни мое завещание:

„Я, как сын, клянусь, мне немного дай:
Пусть земля меня сохранит твоя!
Бирюза небес, изумруд земли,
О ты родина, ты любимая!"

1892 г.

АКАКИЙ ЦЕРЕТЕЛИ СНОВИДЕНИЕ

Раз, и то лишь в сновиденьи,
Зрел грузинок я собранье,
Вновь увидеть их — клянусь я -
Живо вечное желанье.

На престоле там сидела
Чаровницею Тамара,
Тинатин стояла слева,
И стояла Нестан справа.

Словно вокруг луны, как звезды,
Женщины еще теснились:
Порознь каждая, все вместе
Жизнью мне блаженной снились.

Вдруг вошел к ним Руставели,
Светоч наш, держа перстами -
Дух и преданность поэта -
Свиток „Вепхис Ткаосани".

Бесподобной поклонился,
Преклонил пред ней колена,
И улыбкой у царицы
Слезы брызнули из плена.

Солнечным светла мерцаньем
Та Тамарина улыбка,
Чувство женское, двойное
В тех слезах скользнуло зыбко.

Как у женщины, к поэту
Чувство нежное в ней плыло,
Но достоинство царицы
Все ж Тамара сохранила.

„Долг плачу тебе неполно,
Благодарностью встречая,
А событие бессмертья

Будущему поручаю".

А затем подругам милым
Так изречь благоволила:
„Вам дарю наслажденье
Благами, любовью мира.

Завещаю в женихи вам
Тариэлей, Автандилов:
Чтоб грузин в своем потомстве
Взрастил героев силу".

Так сказала; столп огнистый,
Краски радуги сияли,
Свет переплелся со светом,
С ним и все они пропали.

Я ж остался, испугался
И видению дивился,
Осмотрелся: что ж взамен их?
Мне другой народ явился.

Нет Тамары, нет и Нестан,
Тинатин исчезла с ними...
От грузинского осталось
Неужели только имя?

Засмеялся я с тоскою,
Стало грустно, поднял веки...
Ах, когда б не видел этих
И заснул бы вновь навеки!

1898 г.

АКАКИЙ ЦЕРЕТЕЛИ СЛОВА ЛЮБВИ И НЕЖНОСТИ НАПРАСНЫ

Слова любви и нежности напрасны,
„О, полюби меня!" — не говори,
О родине ты думай ежечасно,
Ее — блаженною мне сотвори.

Всем сердцем будь с страной угнетенной,
Собой пожертвуй, в горечи живи,
И вот тогда вдохнешь ты — от влюбленной -
Целебное дыхание любви.

1903 г.

ВАЖА ПШАВЕЛА ПИР

Налейте и дайте мне пить,

Чорт бы побрал всех — вина:
 Плохое хорошим узреть,
 Коль будет дума пьяна!
 Чтоб турьего рога на дне
 Вмиг потонула тоска,
 Красотки чтоб образ бежал
 Дрожью от ног до виска...
 Но сивку, о сердце, пришпорь,
 Жажду я — в море броска:
 Ведь чем по-собачьи так жить,
 Лучше уж битва и смерть,
 А чистого юношу вам
 Не развратить: не посметь!

**ВАЖА ПШАВЕЛА
ОРЕЛ**

Видел я: ранен орел,
 В схватке он был с вороньем,
 Бедный — хотел бы привстать,
 Да уже силы нет в нем.
 Кровью вся залита грудь,
 Еле влачится крылом.

Будьте же прокляты вы -
 Знать захватили врасплох,
 А не то видел бы я
 Только ваш пух у дороге!
 1887 г.

**ВАЖА ПШАВЕАА
НОЧЬ В ГОРАХ**

Вот ночь наступила, и звезды
 Расселись на небе цветами,
 Луны пока вовсе не видно
 И нет ее света над нами:
 Должно быть еще не проснулась,
 На локте своем почивает,
 Еще не сказала мне: здравствуй!
 И с гребня горы не кивает,
 Лучей своих, чтобы умыться,
 К ручью еще не посылает,
 И ровную трудно дорогу
 Найти—кто в потемках ступает.

Одетые в черное горы,
 Склонясь над ущельями теми,
 Прохладой с высот своих веют
 На дэвов бродящие тени,
 И рощи окутала в траур
 Всё не уходящая темень.

Кричит с горы на гору филин,
По склону цветы втихомолку
Трепещут, колеблются, ветер
Расчешет им зыбкую челку.
И волчьего воя не слышно,
Хоть в пору провить здесь и волку.

И плачут ущелья: струятся
И здесь, и подалье воды,
А вовсе далеко-на кряже -
Как плещут из горной породы!
И дочери гор тех красивых
Созвучно звенят и воздушно,
Журчат про господнюю славу
И как здесь живетса им дружно.
Красивей и лучше, чем это,
Искать и нельзя, и не нужно.
Кряжи служат глуби—глубь кряжам,
Вода служит лесу-лес водам,
Цветы служат почве, и почва -
Своим же зацветшим заботам,
А я - я слуга им всем вместе,
Их раб со струящимся потом.

Сейчас это небо спокойно,
Спокойно заснет и деревня,
Но в полночь-нежданные тучи:
Дракон пробуждается древний...
Вот черный из Черного моря
С разинутой пастью грохочет:
Нас, спящих так тихо и мирно,-
Сожрать он нас, видно, всех хочет!
Поднимется ветер и ливень -
Как грохот и битвы волненье,
И вот времена нам настали
Великого страха, смятенья,
И рушатся мира устои,
Как если б-светопреставленье...
А ливень врывается в рощи,
Срывает с утесов каменья.

Природа-владыка, и все же
Самой же себе и рабыня:
Добро лишь вчера сотворила,
Глядь-зло причиняется ныне,
И доброе дело иль злое —
Самой ей про то неизвестно,
И там же, где цветик прелестный,
Срывает обвалы над бездной...
Но как же сама-то красива,
И как зацветает чудесно!

ВАЖА ПШАВЕЛА ЦЫПЛЕНОК

Ястреб уносит цыпленка,
А тот пищит: „Цтиав, цтиав!“
Ветерок бежит по полю,
Всюду белый пух разогнав ..

И кровь потекла ручьями,
Залила и дол, и гору,
Арагва посторонилась,
Затопила кровь и Куру.

А на дворе у старухи
Стон, горькие вопли слышны:
Наседки пришли к наседке,
Петух, его дочки, сыны...

Родня к наседке собралась,
Весь ее род, все слезы льют..
Слезы льются куриные:
Причитанья и горе тут.

1890 г.

ВАЖА ПШАВЕЛА ЛЮБОВЬ

Весь исхожу я желанием,
Мыслью моею, томлением,
Частым с тобой расставанием,
Сердца внезапным видением.
А возрастившей создание
Матери — шлю изумление:
Хороша, и нехорошая -
Дымка тумана неровная;
Скинуть хотел бы ту ношу я,
Да, знать, привязанность кровная!
Рвутся старания тленные,
Не избыть чувства давнишние,
Ты для меня вся вселенная,
Всякая другая — лишняя!
Кто говорит: „Любовь старится,
Любимые — вдруг забытые?
Иглами льда обрамляются
Ресницы, слезой омытые -
В боли желанья, что зажила
Днями-годами изжитая ?"
В яму, ничком меня, заживо,
Землей-одеялом скрытого,
Коль любовь неистошима
Хоть на росинку умалится!
А ведь как встретил любимую,

1891г.

Время успело состариться...
Ясными днями иль хмурыми -
Розы на грудь ты мне сыпала:
Так и в могиле я — с думами,
С тобой, любовь неусыпная!

ВАЖА ПШАВЕЛА
ПИСЬМО СОЛДАТА-ПШАВА

Пусть грудь твоя дышит, о мать,
Фиалкой и розой цветущими,
Ты по мне не томись, не плачь
Слезами, сквозь сердце бегущими.
Тех, кто ранен в битве из нас,
В бою вновь увидим — живущими!
Пусть дивятся: вот завтра бой -
Двинем рать свою еще пуще мы;
Ведь те удалые птенцы
Царицей Тамарой пущены!
Грузии мы хотим помочь
Усильями, в схватках растущими,
Покупаем счастье не в долг
И расплата — днями текущими:
Честь блюдя, мы здоровье, жизнь -
Целиком отдадим их лучше мы!
Я в России мечтаю, мать,
Дом родной увидеть под кущами
Поделюсь же с тобой теперь
Виденьями, силу дающими.
Грузины — мы ночью в бою
Под лучами идем зовущими:
Конь и всадник, и держит меч
Он десницею всемогущею,
Как он строен, красив, не скрыт
Облаками, в небе плывущими!
На лице, как черная тень,—
Тоска, его сердце сосущая.
Мы узнали Лашари в нем,
Покровителя, вечно сущего!

Когда утихает пальба
И пушек гроза, уже дальняя,
И чувства находят покой,
Тревога отходит батальная,—
Тут я мыслью с тобою, мать...
Слышу — зубья скрипят чесальные.
Гляжу, как сбиваешь ты шерсть,
Как капают слезы печальные!..
Чоху ты ткала для меня...
И, любовью благословленная,
Сохранит от меча, огня -

Слезами броня окропленная...
Хоть прошла уж долгая ночь,
Но очаг горит, длишь ты бдение.
Пусть бог причитанья твои
Переменит на песнопение.
Прощай! Затрубила труба -
На борьбу, на кровопролитие,
Вновь и вновь зовут меня в бой,
Я пойду вперед —без укрытия...
А не слезы ль—за бранный труд?
Не печальные ль ждут события?
О Грузии юных сынах
Разлетится ль весть во все стороны?
А в наших заветных местах
Не засядут ли злые вороны?

Прощай... Затрубила труба -
На борьбу, на кровопролитие,
Вновь и вновь зовут меня в бой,
Я пойду вперед —без укрытия...
„Он был трус!" — не услышишь, нет:
В первых там рядах должен быть и я!

1915 г

АЛЕКСАНДР АБАШЕЛИ
РОЖДЕНИЕ СТИХА

С неба желтые перья упали -
Птицы в золоте — солнечный жар -
К облакам, что стогами стояли,
Перекинулся огненный шар.

Где б еще так горели высоты
И пожар бы подобный возник?
Радость в сердце наполнила соты
И поет, как звенящий родник.

Этот вечер, из розовых почек
Так зацветший багряной красой,
На склоненном цветке этих строчек.
К утру ляжет прохладной росой.

1938

АЛЕКСАНДР АБАШЕЛИ
СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ

Хоть и жажду жить подоле
И надежды не теряю,
Но так ясен воздух в поле,
Вместе с солнцем так сияю,

Песни в горле так теснятся,
Так томленья сердца чисты,—
Что и с деревом обняться

Я готов, лобзая листья,

И готов вложить беспечность
В стих и мудрый, и недлинный,
А доступную мне вечность
Влить в такой вот день единый.

1939 г.

АЛЕКСАНДР АБАШЕЛИ
ВЕЧЕРНЕЕ ОБЛАКО

Чашу солнца облако уносит -
Полную небесного вина,
На сияющем несет подносе
Чашу пурпурную — белизна.

За морские глади уносило,
Где лазоревый туман возрос...
Вдруг волна-малютка подскочила
И перевернула тот поднос.

И пролилась чаша на просторе:
Хоть не так уж велика она,
Но вина так много, что над морем -
Целый мост, а вот — фонтан вина!

И залито море красным светом,
Пламенеют облака края,
И пустая тонет чаша эта --
Золотая светлая ладья.

1940 г.

ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ
ИЗ „ДМАНИСИ“

1

ДМАНИССКИЕ КАМНИ

Без тебя никогда не приду я в Дманиси,
Там недуг одиночества между развалин.
Хорошо, как со мною и ты там на высях.
О, с тобой небосвод никогда не печален!
Вот Дманиси — сокровище он для народа:
Мудрость духа — всего почиталась тут выше.
Слышу сказку, уснувшую в камнях и сводах -
О, как сказку, я Картли далекую слышу!

Скалы сядут, как старцы над кручей ущелья,
Как на сельском, в веках затерявшемся вече -
Сказку странника сказывать: эти поверья,
Через годы идущие — долго, далече...

Все так было, как я не качался и в зыбке,

А глаза тех людей — в этих каменных стенах...
Коли, милая, вздрогну,— ответь не улыбкой:
Пред бескрайностью этой и мужество бrenно.

И событий здесь сколько, древнейших и славных!
Их веками спаяли с собой эти камни,
Что бормочут и шепчут о дальних и давних
И чья повесть жжет душу и через века мне.

Ты о странствии мудрых, о давнем послушай,
О царях и героях, и как кто сражался:
Так ребенком и я настораживал уши,
А без старших один и заснуть я боялся.

К потухающим углям присесть не опасно,
За то ночью в груди — как костром бушевало!
И лишь утром все снова так тихо и ясно,
Красным утром природа опять оживала.

Хорошо нам дышать здесь и самозабвенно -
Солнца нового трепетом, чистою страстью -
Жизнью вольного мира... Что ей равноценной ?
Устремимся ж к ликующей жизни и счастью!

2

ОТКАЗ СТОЛЕТИЯМ

Скажи, доверься: ежели захочешь,.
В Дманиси мы останемся с тобой,
Не думая до самой полуночи
О возвращении к себе домой.

Уляжется и сумрак тихий скоро,
Опутавши колени этих гор,
И крепости костям дыханье разговора.
Вновь оживит безлюдия простор.

Быть может и они о говорящих
Мечтают людях, ждут к себе гостей...
У этих стен, в безмолвии стоящих,
Спроси, как им пустынно без вестей.

На месте их, как с ними я несхожий —
Бежал бы прочь, не оставаясь нем,
Как, потрясая разрушенья кожей,
Я те места покинул бы совсем!

Я с криком поволок бы плечи, ноги,
И лес, и ягод грозди — всё зараз -
И, отойдя, поклоном у дороги
Столетиям отвесил бы отказ.

ВИКТОР ГАБЕСКИРИЯ

ЗАЯЦ

Ни травы, ни куста по дороге,
Быстро, странно меняются дни!
Серого зайца пугливые ноги
К огороду несут через пни.

Вот и изгородь цвета каштана,
За ней ни листка, что за напасть!
Снег да луна, все так дико и странно,
И нет ничего... Что же украсть?

Брызнут ли вновь зеленые соки,
Иль зима заморозит глаза?
И на глазах его, добрых, широких,
Тихо тает снежинка-слеза.

1940 г.

ВИКТОР ГАБЕСКИРИЯ

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Налетел ветерок, колыхнул, и упали
Капли светлые с роз, с лепестков бледно-палевых;

Упадают на ветви — усталые, чистые,
Иль дрожат, как нанизанные на нить золотистую.

Слышен шорох листвы, пробегает шуршание,
Видны нити лучей: паутины сияние!

Щебет ласточки. Вон и гнезда ее краюшек.
Открывается дверь: молодая хозяйюшка.

По ступенькам сошла и спокойно так смерила
Ясным взглядом кусты и цветущее дерево.

Поджидает того, кто ей дал все зеленое,
Новый двор, новый дом — и жена, и влюбленная.

И глядит на дорогу... А с дерева брызгами
Вдруг, как розу, всё белое платье забрызгало.

1940 г.

И. ГРИШАШВИЛИ

СБОРЩИЦА ЦИТРУСОВ

Рвешь апельсины! И в ситцевом платъи
Девственно-четкая, как ты стыдлива!
Гибкой рукою, как в быстром объятьи,
Плод за плодом ты срываешь красивый.

Бабочки легкой — нежней, легкокрылей,
Любишь ты резвые серны движенья.
Только завидел — запел Гришашвили:
Факелом светлым зажгла в нем волнение.

Щебет твой сладостный, как в новоселье,
Сердце залил ему радостью зыбкой.
Искрами глаз ты даришь и весельем:
Морю — эмали, а розе — улыбку!

Рвешь мандарины! Идешь, напевая,
Золото мира — плодов позолота...
Чу!.. Зажужжала последышей стая -
Вымети всех комаров из болота!

1937

И. ГРИШАШВИЛИ **РОДИНЕ**

„Мое дерево, и гора моя!“—
Что ни день, себе повторяю я:
„Мы не заримся на чужи-края,
Нам довольно знать, что земля — своя.

И холмы мои, и леса мои!"
На заре твержу в светлом пламени:
Чувства лучшие, сердце самое
Светит родины верным знаменем.

Знамя родины! Как магнит оно:
Цель единая, дума чистая...
Сердце! Думой той ты пропитано -
Рядом с воином, в громе выстрелов.

За всю жизнь свою слова „лилия"
Я в стихах моих тяжелей не знал,
Спал у бабочки на воскрылиях,
Ветерок меня усыплял-ласкал.

Никогда досель не был воином!
Это правда ведь, о любимая:
Меч и рифма встарь — эти двое нам
Порознь думались, шел, знать мимо я.

Но коль грянет гром порубежных сеч,
Песни я прерву недопетые,
Отдохнет перо, и ответит меч,
Кто из нас смелей — меж поэтами!

„И холмы мои, и леса мои!"—
На заре твержу в светлом пламени:
Чувства лучшие, сердце самое
Светит родины верным знаменем.

1938 г.

ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ
ИОРСКАЯ НОЧЬ

Месяц шелестит, как сосны,
И вздыхает, как, вода,
Словно юноша красивый,
Встала по утру звезда.

Тем, что вышит в небе месяц -
Чьей обязаны игле?
Кто швырнул вот это сердце,
Словно новый мяч в игре?

Укачай меня, Иори,
Миро на главу плесни,
Как стихов налитых вымя -
Берега твои — пески.

Водопады же процедит
Разве шелковая сеть,
В виноградниках — чонгури,
И пиры: вино и снедь.

Словно ситчиком одета,
Проблеснет в реке форель,
Утро в клювах птички носят:
Как кусочек — так и трель.

Крошка-мельница на речке,
Как святейший в мире храм,
Камни в льющемся потоке,
Как упор моим стихам.

Сокам роши в этих строчках -
Молодым вином бродить,
Зачерпнут его в продажу -
Сам хочу купить, испить.

Месяц шелестит, как сосны,
И вздыхает, как вода,
Словно юноша красивый,
Встала по утру звезда.

Месяц над горой пролился,
Как подойник с молоком,
На Иори в тростниках я
Сам пою в ней тростником.

1925 г.

ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ
Я ЧИТАЛ „ЖИТИЕ ГРУЗИИ”
Житие моей Грузии — вот!
Так читал я всю ночь до зари:

Как, мой город, терзали тебя,
Как бывал ты весь кровью залит!

Выбегаю узнать: уцелел,
Иль на улицах бой, и горишь?
Спят дома, и витрины блестят:
Как я рад, что спокойно стоишь!

Рад дыханию свежих хлебов,
Кирпичам, что теснятся в ряды,
Рад за розы, что в кучках лежат,
И за тех, — кто получит цветы.

1929 г.

**ГЕОГРИЙ ЛЕОНИДЗЕ
НИНЕ ЧАВЧАВАДЗЕ**

Если ты звезда — пусть угасшая, —
Мне светла и днесь красота твоя:
От тебя узнал, что не писано
Для прекрасного угасание.

Так живи и ты меж поэтами,
Вижу вместе вас, слышу дрожь сердец:
Скольких грез была ты прибежищем,
И в груди твоей знать сама весна.

Красоты твоей за пределами
Дверь рассвета нам закрывается,
Как лежать тебе под пластом земли:
Чуть терпела ты и касанье роз!

Я тебя пою чрез столетие,
Но и тысячу красотой живи:
Вся как нежный ты ураган красы
И покоя мне от тебя не знать!

1929 г.

**ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ
ГРУЗИНСКИМ ВОИНАМ**

Каждый там, на поле боя,
Имя чести начертал -
Нерушимой в крепких дланях
Сталью: сталинский закал!
Узнают по блеску сабли
Выросших на груди гор
И Ростов, и Клин, и земли
Вкруг Москвы —полей простор.

Сталь — основа вашей силы,
Горы — ваша колыбель,
Капли с ваших ран — родные
С кровью, лившейся досель.

Спят в могилах древних предки,
Но не спит их бранный дух,
Как не спит народ, где каждый
Бодрствует один за двух,—

Чтоб не сдать родного края,
Что издревле, вечно жив,
Не отдать ни винограда,
Ни под солнцем зрелых нив,

Сладких звуков Руставели,
В Гори светлом колыбель,
Чистого сиянья солнца
И пути, где счастье — цель.

*

Братья воины! Отвага
Ваша радостна для нас:
Лишь героев воскормила
Мать-грузинка в добрый час.

В тех руках всегда победа,
Где за правду весь народ,
Тот народ восторжествует,
Где герой из рода в род.

Знамя Сталина не склонит
Ни один и никогда,
Как вершин не склонит снежных
Вся Кавказская гряда.

Никогда не быть рабами
В нашей стороне родной,
Где родное скажут имя
И прибавят: он — герой !

1942 г.

АЛИО МАШАШВИЛИ БРАТЬЯ

Обнявшихся, склонивших грудь на грудь,
В сугробе их нашли, на снежном скате,
Был братьям общим боевой их путь -
Их положили вместе и в палате.

„За родину! За Сталина!“ — крича
В дыму лесов, их кровью политых,—

ак вера в цель святую горяча!—
Сквозь пламень гнали там врагов разбитых.

Но тучею в глазах, как ворон — синева,
И пали оба ночью той метельной:
Со смертью боролись как два льва,
Вздохали оба песнью колыбельной.

И силась встать — подняться силы нет,
И дотянуться нету сил до сабли,—
Таща друг друга цепко — след на след-
Ползком ползли, покуда не ослабли.

И снова Тихвин — наш, в сияньи дня,
И враг бежит в погибельном метаньи,
А там в лесу, где бродят два коня,
Просторы полнятся призывным ржаньем.

И раненых услышали, нашли,
И снег им был единственным нарядом,
И бережно их подняли с земли,
И вот в палате положили рядом.

Лишь утром солнце потолок зальет
Мерцанием узора золотого,—
„Как брат здоров?“ — один слегка шепнет,
„Как брат здоров?“ — как эхо, у другого.

Во сне, в бреду, когда во тьме летит
Осколок бомбы, разрываясь снова,—
„Что, жив ли брат!“ — один чуть шелестит,
„Что, жив ли брат?“ — чуть слышно от другого.

И море снов, и тонут, как челны,
Качаясь, койки, и плывет палата,
И до последней, смертной тишины
Томила брата агония брата.

А в грозный день, как ветер бушевал
И всей природы чудилось стенанье,
О брате брат уже не тосковал,
И, как в обители, вокруг — молчанье.

1942 г,

АЛИО МАШАШВИЛИ

ЛИРА

(Сванская баллада)

Плещет Енгури в скалах Сванети,
Мощно- звучит боевою трубой,
Там доживает век свой на свете
Прозванный Махвши — тот лирник седой.

Ты его встретишь: добрый и тихий,

Двери на башне его заперты,
Странником бродит, давнее лихо
Лире доверя; прислушайся ты.

Сын ему был надежной опорой,
К звездам тянулся — рукою схватить,
И беззаботно, и непокорно
В юность готов был с отвагой вступить -

Весь был в отца он, родственно схожий,
Стройный, в расцвете чудесной
Солнцем и жизнью палимый, пригожий,
Чуть зеленеют, как поросль, усы...

Вдруг на границе дрогнули горы,
Бранной зарницей пылает земля,
Взвыли тысячеликие орды,
Кровь разливая и села паля.

И население в гневе восстало,
Точно Енгури вскипела волна,
Так и у Махвши сердце не старо,
Меч он хватает — рука всё сильна!

Юношу позвал, что как десница
С ним неразлучен всегда и везде,
Так ему молвил: „Наша граница
Ныне в опасности, в горе, беде.

Дом свой покинув, землю родную,
Землю цветущую каждый из нас
Должен спасать, как мать дорогую,
Нашу Сванетию — Грузии глаза!"

С лязгом мечей спустились в долину,
В трубах — лилео, как гимн золотой,
Топот копыт, над коней лавиной
Знамя колышет сам Махвши седой.

Двигутся быстро, самозабвенно,
Старый и малый — смелы, горячи,
К бою готовы, и неотменно -
Щиты о щиты, мечи об мечи!
Юноша в гуще вражьего строя,
Крутится там на коне он, могуч,
Голосом звонким кличет героев,
Волосы по ветру светят, как луч.

Меч опускает снова и снова,
Многих погнал он и многих убил;
Но разъяренный противник суровый
Правую руку ему отрубил.

Юноша-воин на землю низринут...
С воплями Махвши к нему подбежал,
Сам пал на землю: слезы над сыном
Дождиком частым отец проливал.

Жизнь отлетала, смертное пламя
Шею обвило, пред взором отца
В сумраке дрогнул меч тот — тот самый,
Что как бы сросся с десницей юнца.

Вырыл могилу и, как бывало -
Как в колыбельку — он сына отнес...
Память и клятва: все, что осталось -
Эта десница и прядка волос.

Их омочил он в слезной купели,
И на деснице дрожанием струн
Волосы чисто, ясно запели
Голосом сына, и голос был юн...

Жизнью десницы эта вот лира
Кличет героев, так сердцу близка,
Меч в ней блистает, слезы над миром,
Тихо воркует по сыну тоска.

1942г.

АЛИО МАШАШВИЛИ ДУМЫ МАТЕРИ

Печалью овеяна, вечно с тобой,
Твой образ в себе вызываю.
Ни днем, когда думы клубятся как рой,
Ни в снах я покоя не знаю.

Вот шаг твой почудится, но узнаю -
То маятник: мерно качанье,
А сон — на мгновенье, и снова ловлю
Доспехов военных бряцанье.

И вижу: кровавой волною тесним,
Встал конь на дыбы, опаленный,
Как молния меч, неразлучен ты с ним,
И бьешься, врагом окруженный.
И солнце померкло от пуль в облаках,
И взрывы, и чадная пена...
Подкрался к тебе неприметно твой враг
И к горлу рванулся гиеной.

И хладный направлен к груди твоей штык,
Убийцы за ним будто тени...
„Родной мой!“ — в душе загорается крик,
И никнут бессильно колени.

Но миг- будто молния, всадник возник,
Мечом темноту озаряет:
Как кровного брата блистающий лик!
И руку с штыком отсекает.

И пятится враг, и за ним погнались,
Кровавой отплатой пылая,
Вы оба, а пули лились и лились...
И падает враг, отступая.

Мечи в ваших дланях, герои мои,
Отточены битвою вольной,
Ногой на отчизну злодей наступил,
А матери на сердце больно.

Крепите ж свой гнев, дабы враг заплатил
За кровь и за смерть, за глумленье,
За грады и веси, за все, что спалил,
За смолкшее детское пенье!

Скорей бы дожить мне, увидеть: орду,
Растаявшую будто туча -
Без тени единой... Я верю, я жду:
В мученьях погибнет, — кто мучил.

А ты, о мой сын, и собратья твои,
И русский, сей пламенный витязь,
Вернувший тебя материнской любви,—
С сияющей грудью вернитесь!
Пусть песня победы о вас говорит,
Вы светом ее озаритесь.

1942 г.

ИЛО МОСАШВИЛИ КОЛХИДСКОЕ УТРО

Спокойное утро, и солнце как дождь,
Кулик кулика призывает,
И море на руки простерты роц
Ребенка—волну—возлагает.

И плавно поет колыбельную, но
Не спит он в саду, хоть и сонный,
А солнце, как дева—всё грёзой полно —
Нисходит в прозрачные волны.

Кто мох там раздвинул на зыби болот?
Прибой привязал у Риона?
Как если б подолом потряхнул небосвод,
Просыпав и света и звона.

И озеро слезное — Палеостом—

На утро глядит—как впервые,
И будто Медея стоит за кустом,
И кудри в ветвях-золотые.

Его аргонавты вот здесь не нашли -
Тот куст, что им золотом реял,
А мальчик мегрел на кусочке земли
Его посадил и взлелеял;

И солнце подвесил... И вот голоса
Зовут меня к полной корзине,
И свет у Медеи в златых волосах -
Как нити, на каждой куртине.

Смирился Рион, и притихла земля,
И утро, как голубь, слетает,
И ясной зарею рука из Кремля
Колхиды врата отворяет.

1937 г.

ИЛО МОСАШВИЛИ ФАЗАН

(Из записной книжки)

Купается в лучах; крылом блестя на солнце,
От радости порою самку бьет,
В тростниковый лес нырнет, и, как в оконце,
Глядит: вот днем звезда свой свет лиет.
А лес качается и шелестит рассказом...
Прикрыт листвою, почками, травой,
Фазан притихнувший выкидывает разом
Свою красу—под солнцем золотой.
Блеснет вдали ружье, и вот поникнут шпоры,
Не шевельнет на крыльях свой узор,
И гаснет свет в глазах, опущены все шторы:
И любимой не найдет прощальный взор.

1933 г.

ИЛО МОСАШВИЛИ ЖЕНЩИНА У РОДНИКА

(Из записной книжки)

Всадником в заросли выброшен конь,
Женщина вздрогнула: Кто там? Не тронь!
Суру опустит, сама —как лоза,
И закрывает подолом глаза.
Белая ива, колеблется тень,
Но ястребиные очи — как день.
Поднята сура, а на сердце грусть:
Сердце украли для свадьбы? Ну, пусть!

1933 г.

И уронила, склоняя свой лик,
Косы змеиные в светлый родник.

ИЛО МОСАШВИЛИ
НОЧЬ В ЛЕСУ

Ночь наступила, поплыло обратно
Облако, что отгорело,
Дэви стянули все темные пятна,
Влага туманом осела.
Пепел рисунка: верблюдами — тучи,
Черные корни — их ноги;
Ночи волокна — тропинка все круче -
Липнут к лицу по дороге.
Голым коленом в ущелье дерева
Никнут, над ним нависая:
То не дубы ль собрались на кочевье -
Волчья пожившая стая ?
Роща за рощей, и сумрак там древний:
Тихая ночь и немая.
Бурки раскроем, великому миру
Слава: на небе рассвету,
В высях пернатому звонкому клиру,
Звездному ясному свету!
Слава призывам орлиного веча:
Благость для сердца и слуха!
А на ветвях воробей — человек -
Строит хоромы из пуха.
Жаворонок приоткроет — привратник -
Утро за сонною вербой,
Шипиком клюва склюет аккуратно
Росную каплю — он первый.
Черную крышку, небесную сажу -
Солнце и снимет, и сдует,
Светом — хоть ночь всю картину замажет -
Заново мир нарисует.

1937

ГАЛАКТИОН ТАБИДЭ
Я И НОЧЬ

Теперь, как пишу эти строки,
Ночь на небе тает, горит,
Вот ветер в окошко ворвался,
Мне сказку полей говорит.

Серебряного одеяла
Откинуть не может земля,
Лишь ветер качает, колышет
Сирень под окном у меня.

Волшебного в небе так много,
Небесные сини штрихи,
И все так исчерчено ими,
Как рифмами эти стихи.

В таинственное осиянье
Вокруг запеленуто всё,
Так чувствами все изобильно,
Как сердце ночное мое.

И я ведь таинственность эту
Глубоко на сердце таю,
Ни близким, ни дальним не выдам,
Ни ветру — ту тайну мою.

Друзья разве знают, какое
Вмещается горе во мне.
Что спрятало сердце навеки
В сокрытой своей глубине ?

И душу я темного сердца
Для сладких минут не предам,
Ее не похитить объятьям,
Ее не открою и сам.

Ни вздоху во сне не доверю,
И даже ни чаше вина,
Ничто у меня не отнимет,
Чем дума на сердце полна.

И только бессонная эта -
Та ночь, что струится в окно,
Мое затаенное знает:
Для ночи открыто оно.

Ночь знает, как мне одиноко
Страстное мое превозмочь,
Нас двое отныне на свете -
Нас двое: я, ночь; я и ночь.

1912 г.

**ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ
ЛУНА НАД МТАЦМИНДОЙ**

Никогда еще не рождалась
Такою спокойной луна!
Дуновением арфы дышит
Задумчивая тишина,
Сплетая из теней и веток
Зыблющиеся кружева...
Тихой глуби такой небесной
Не видал еще никогда!

Луна серебрится, как бусы

Иль ландыш, росой окроплен.
И легким окутаны светом,
Похожим на призрачный сон -
И Кура, и замок Метехи,
И даль, что сияньем полна...
Никогда еще не рождалась
И нежной такою луна!

От меня недалеко, возле
Старец царственно-крепко спит,
Над печальным его покоем,
Что розой, ромашкой повит,
Звезды стелят свое мерцанье,
Льют веселый света поток;
И юноша здесь бесприютный
Любил побродить — одинок...

И я буду петь, умирая,
Словно грустный лебедь озер.
Лишь, бы высказать мне, как в душу
Та ночь окунула свой взор,
Как крылья, от неба до неба
Возносились сны-голоса,
И раскрыли свои мечтанья
Синевой небес паруса,
Близость смерти как изменяет
Водопада паденье, роз -
В мелодии лебеда звуки,
Что последний свой час вознес,
Как я чую, что для взрощенной
Этим морем звуков души
Самая смерть — только дорога,
И путь тот от розы душист,
Что отвага эта поэтов -
Легенды иль сказки слова,
Что и ночь еще не бывала
Безмолвной такой никогда!

Что я близко от вас, виденья,
И свою повстречаю смерть,
Что дано мне — царю, поэту -
Мне с песней дано умереть,
Что в века уйдет моя лира -
Вместе с вами уйдет она...
Никогда еще не рождалась
Такою спокойной луна.

1915 г.

СИМОН ЧИКОВАНИ
САДОВНИК КАРТЛИ

Ручеек пробуждает природу,

И зима вся исходит туманом,
Картли ждет до тепла непогоду,
Почки глаз не раскрыли: знать, рано...

А садовник в саду уже, быстрый,
Старожилу седому забота:
Первый плод высекать будто искру -
Добрым яблоком станет работа!

Нож садовый с ним — старый сасхлави,
Иль вот землю вскопал, а во взоре
Звезд кремлевских сияние в славе,
Свет из форточки домика в Гори.

А ладони как с картою схожи:
Там бороздкой намечены корни,
И как жаждут мозоли на коже,
Огнецвет чтоб блеснул непокорный!

То к стеблю черенок прививает,
Пальцем тронет и мох, и ворсинки,
То в две жизни одну разделяет,
Чтоб зажглись, дабы жить, половинки.

И теплят они сердце, как дети,
И старик с ними бережен, чуток,
И толпятся все саженцы эти,
И по саду их водит — малюток.

Да, ячейка поручена сада,
Как страны жизнетворной частица,
И побегов послушному стаду -
Им перечить ему не годится.

Пусть, как Авеля дым непорочный;
Задымится расцветший здесь персик,
Чтоб петух пред денницей восточной,
Как зарей, озарил его песней.

Дерева, как кувшины, так лепит,
В них, как воду, вливает дыханье -
Мой соперник: он слышит их лепет,
Обжигает садов полыханьем.

Поразвесив ковры там из теней,
Сам садовник наш ясен как вечер:
На закате он между растений -
Как творец их, и друг, и предтеча.

СИМОН ЧИКОВАНИ
СОМНЕНИЕ

Это свойство большого поэта—
Чувству дверь открывать осторожно:
Не насыщена лира заветным—
Струн на лире и трогать не должно,

А полет удержать у обрыва,
Якорь бросить, смирить свою душу:
Коль не найден источник порыва,
Музы сна не дозволено рушить.

Чувство ищет найти выраженье:
Ритм, мелодию, образ, фигуры;
Но уста хоть трепещут в движеньи,
Не плечи из живительной суры!

Что же делать? Не смог удержаться,
Жар понизить у раны нагретой:
Надо с Миндией мне повстречаться,
Чтобы дал он строкам моим света.

Точно трут, мои теплятся чувства,
Полнит комнату дым беспросветно,
Где же парус мечты и искусства?
И стенает лишь строчка бесцветно.

Мысль и слово спясть бы мне сразу,
Да не смог оковать их бронейю.
Как желток, так трепещет мой разум,
Но врачует мой край тишиною.

В час ли творчества — чист он и ясен —
К Важе младшим вхожу я, и чудно
Там в камине в ночи светит яшень,
И сокрытое выразить трудно.

И я краски ищу в одиночку,
А как шелест жену вдруг разбудит,
Жду, читая дрожащую строчку,
Одобрение будет—не будет?

И колышется зыбь вдохновенья—
Знать, на пробу душа и запела,
Да не как я задумал в волненьи:
Как проклятая рифма велела!

Вдруг рука на плече затрепещет:
Быть солучником вещего Важи!
И лишь голубь на небе заблещет,
В цель строкой попадаю тотчас же.

СИМОН ЧИКОВАНИ
ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО

Ласточка резвая, ласточка быстрая
Лепит гнездо на балконе уютное,
Угля накал под скорлупкой сквозистою:
Скрыты в яичке дыханья минутные.

Перышки в клюве, пушинки у ласточки,
Ласточка мне соловья занимательней,
Носит былинки и ладит их лапочкой...
Чем бы помочь тебе, мастер внимательный ?

А не подбросить ли эти вот листики.
Канувший в ночь черновик неразборчивый ?
Кончиком клюва его перелистывай,
Иль расстели себе — шелк тот узорчатый.

А не возьмешь ли ты чувства, которые
Не уместились в стихах с их отточкою?
Крыл твоих взмахи, изящные, скорые -
Вдруг их игра пронесется над строчкою ?

Радость, отшедшая вместе с бумагою -
Может быть с нею тепла там прибавится,
А не то чувство с крылатой отвагою
Вдруг полетит, лишь скорлупка развалится ?

Ножки подогнуты легким движением,
Вот расклюешь ты строку мою струнную,
Жаром яйца и моим утешением
Ласточки - птенчики выпорхнут юные.

Крыльями мира касайтесь, о резвые,
Вдаль с нашей родины в быстром полете вы
Не улетайте: тут зерна чудесные
Теплой зимою и летом найдете вы!

Много ведь лет теплоту мы лелеяли,
Грузии сад как огонь разливается,
Картли мы правдою мая овеяли:
Так и сквозь зиму весна пробивается.
След на бумаге — то думы народные:
Как у камина птенцы пусть погреваются,
Так и живая душа нашей родины
Бурной грозою в крылах ваших взвееется!

Ласточки быстрые, ласточки резвые -
Ножницы режут ткань воздуха цельную,
Вспыхнули крылья — блестящие лезвия:
В Картли слышали песнь колыбельную...

1940 г.

Рад я в то гнездышко, свитое венчиком,
Рад подостлать я и чувство правдивое,
Иль за пазуху спрятать мне птенчика,
Чтоб полюбил нашу зиму счастливую?

СИМОН ЧИКОВАНИ ХВАЛА ПЛОДАМ

Тут черешни, тут, ежевика,
Персик в Гори — как много творений:
Груши, яблоки и земляника,
И, вся в пчелах, лоза из Атени!

Красоте наших месяцев рады,
Вот корзина — огней переливы:
Синих, белых — плоды за оградой -
И зеленых, и красных — на диво!

А лоза, как коса, вокруг тычины
Вдруг заплещет узорчатой пряжей,
И как сна просквозит нам личина:
Свет на кудри у девушки ляжет.

Здесь когда-то дышала могилой
Картли степь, и в могиле — жилище,
Будто меч там, уложенный силой,
Предок спал на своем пепелище.

А теперь, вместо песни надгробной,
С цветом запах мечтой породнится;
Здесь сестре вы и брату подобны,
Предка дух на ветвях задымится.

Будто школа для пчел, о сады вы!
Вот жужжат — и природа запела,
И в груди аромата порывы,
Радость роем в душе пролетела.

В Гори, Ксани, и в Дзегви, Тквиави -
Там посадки — отар всех безмерной:
И кора оживает для яви,
Как на шероховатой химере.
Неба край, и деревья высоки:
Детям — им и полазить вот тут-то!
Огонь граната — как спелые щеки,
Рот раскрыл он, заслушавшись будто.

Мифа краской и яблоко живо,
Как мечты современник античной,
Но тот плод, и живой, и красивый,
Ныне другу подарок отличный.

А Лиахва о берег бьет волны:
Будто цвет миндаля на побережьи!
И в душе у садовника полно
Чувством новым, журчащим и нежным.

Аромата вдыхаю я сладость:
Сердце, яблоко - как вы похожи!
Братски я разделю мою радость:
Вы растете в саду - и я тоже!

1941 г.

СИМОН ЧИКОВАНИ
ДАВИД ГУРАМИШВИЛИ В МАГДЕБУРГСКОЙ
КРЕПОСТИ

...Под прусским королем
Устои трона мы поколебали.
Давид Гурамишвили

Вот это человек! Где только не был:
Финляндские, Хотинские бои,
В дни юности лезгинский плен изведаль,
В тюрьме здесь ныне коротает дни.
И скорлупе покинутой подобно,
Обстали пятьдесят минувших лет,
И опаляя кудри ежегодно,
Тьму, как свечу, поставили: не свет.
И вот подкралась незаметно старость,
И посерели синие глаза,
Еще неведома руке усталость,
Но стенами окована гроза.
И все же в каземат доходит русских
Геройский дух и битв далеких гром:
Знать обломался меч у полчищ прусских,
Изведавших и бегство, и разгром.
И Одер кровью так поит долину,
Где в волны слезы ты ронял цветком,
И русские собратья — под Берлином,
И трон колеблется под королем.
И Фридрих сам — с оборванной уздечкой
На скакуне во всю несется прыть:
Саксонию покинув без словечка,
Спешит щитом Берлин скорей прикрыть.
Давиду чудится: „За рукоятку!“
Хватил рукой, но где же бранный меч?
С отточенным мечом помчаться б в схватку,
Да нет меча — врага сразить, рассечь!
И мечется Давид, изнемогая:
„Дерись же, брат, и крыльями взмахни!
Нет, лучше смерть, чем камера сырая,
Нет, лучше смерть: в бою закончить дни!“
Так чувства в нем и без меча бушуют,
А русские войска уже вошли в Берлин,
И конский топ, и музыка ликует...

А он, судьбой замкнут, сидит — один.
Сияющий из Картли конь, весь сивый:
Меж русских всадник — брат его, грузин -
Сверканьем меди на щите красивом
Пусть украшает попраный Берлин!
Давид волнуется в тюрьме, в подвале,
В ночь октября жарой томим, палим:
Ключи Берлина русским передали,
И крепость Фридриха открыта им.
И радость в сердце, острая как пламень,—
Но как пробить тюрьмы проклятый камень!
Грузинский меч свой верный вспоминает
И битвы с турками, Хотинский бой,
А женщина из Зубовки взывает...
Засушит розу ожиданья зной!
Был с украинцем, русским — как с родными:
Сдружили их и радость, и беда,
Судьбу отчизны открывал пред ними
И смерти не боялся никогда.
Собрату помогал на поле боя,
Слезами Картли землю орошал,
Из груди матери свое, родное -
Как молоко, мечту ты отжимал.
Средь русских на войне сражался братски,
Не посрамил грузинского меча,
В Финляндии бок-о-бок с ними дрался,
Летя по Пруссии, рубил сплеча!
У Кюстрина победу ты отведал,
Хотя и сам был смерти на краю...
И вновь мечты о битвах и победах,
И вспомнил ты всю братию свою,
Еще припомнил и краюху хлеба,
И Лазаря, и русское гумно...
Об этой встрече ты певал под небом,
И сердце... птицею летит оно!
„Мечом себе я возвратил отчизну-
Дыхание предков, дух их боевой,
Страдание и кровь на этой тризне,
Скрутив свечу, я осветил свечой.
Сын Грузии когда-нибудь быть может
Пройдет здесь с боем, подвиги творя,
Пусть вспомнит он, когда свой путь проложит:
Дорогу первым пробивал здесь я!""
Давид так скажет, и в мгновенье ока
Задушит сторожа, вошедшего к нему,
И — прочь из крепости: в ночи глубокой
В осеннюю скрывается он тьму.
И зашумел весь Магдебург молвою,
И город мертвый ожил: „Говорят...
Что пользуясь... ночью... темнотою...
Бежал грузин... покинув каземат!
Хоть Эльба широка, но переплыл он

И реку... Пусть! Но где он меч достал?
Никто не мог сразиться с тем грузином" ...
В молве Давид уж крестоносцем стал!

Так поборол он зимний холод строгий,
Себя весны дыханьем осенил,
И, русские войска догнав в дороге,
Он за победу их благодарил.
И вновь воскресли песни упования,
Ключи Берлина тронул он рукой,
Как бы замкнув и раны, и страдания,
Роня слезы радости живой.

1941 г.

САНДРО ЭУЛИ
ПОЭТ - ПАРТИЗАН

Посв. Денису Давыдову.

О, вспомните бывлые дни:
В огне и города, и веси!
Так рубят лес: стволы да пни
Туман горячий занавесил.

И ратных вспомните вождей:
Грозны шатры Наполеона,
Но величавый их, грозней
Могучий дух Багратиона!

Бывлые вспомните бои
И славный сонм имен блестящих:
Все незабвенные, свои,
Все с нами в битвах предстоящих!

Денис Давыдов — партизан,
Гусар-поэт — с чудесной силой
Сердца людские потрясал:
Брось розу над его могилой!

Поэта сердце — буря ты!
Челом блистая, честь и волю
Лелея на крылах мечты -
Так он скакал с мечом по полю.

Как часто на его стихи
Ложились пули в громе боя:
Коль родина в огне стихий,
Так битва нам родит героя!

Он говорил: „Перо, ружье -
Их цель победа и свобода!"—
И знамя партизан свое
Из сердца выхватил народа.

Так помни это. Смелым будь!
И разумом горя и чувством,
К победе расчищая путь,
Владей и саблей, и искусством.

Из нашей кто, друзья, среды,
Презрев опасность, кровь и рану,
Не ринется на бой, в ряды -
Вослед поэту-партизану ?

Не станем трусов мы терпеть,
С народом мы, со всей землею...
Денис умел и бить, и петь:
Пусть меч и стих блестят грозюю!

1941 г.

САНДРО ЭУЛИ ТРИ КАВКАЗСКИХ БРАТА

Три героя, словно братья,
Под одной выросли звездой:
В старину не раз сжигали
В пепел лагерь вражий, злой!

Так историю писали
Предки кровью на горах,
Мысль о днях, согретых солнцем,
Затаив в своих мечтах.

Сколько раз они ломали
Вьюге хищное крыло,
Чтобы небо лучезарно
Эти горы облегло.

Грузия средь тех героев,
Изумрудная земля,
Падала и подымалась,
Как победная заря.

И Армения, что ныне
Счастлива, ввергалась в тлен,
Кровию поя невинной
И шакалов, и гиен.

А Азербайджан, брат третий,
Колыбель качал борьбы:
Ныне нищета разбита,
И герои — не рабы.

И когда сейчас родные
Горы пред врагом стоят:
„Стоп! Врага мы остановим" —

Руку брату стиснет брат.

Чем нам сделаться рабами,
Лучше голову сложить,
Не уступим нашу землю:
Лучше смерть — за право жить !

И один — хоть против тысяч!
Уничтожим мы врага:
С нами предки, всех врагов мы -
Всех сметем, как ураган!

1942 г.

Содержание

От автора	3
Старый Давид	5
У окна	7
Смерть узка	8
Две инерции	9
Грузинская сказочка	10
Вечер	12
Похвала жадности	13
Язык народа	15
Поэтам Грузии	16
Вечернее детство	17
Реки	18
Арабески	20
Сирень	22
Разлука с Тбилиси	23
Предки	25
Ночью	26
Звезда	27
Источник	29
Родное	30
Вольные строки	32
Южная весна	33
Букет	35
У Грибоедова	37
На заре	38
Экспромт	39
Казбек и Терек	40
Слёзы	42
Сказка	43
На чтении «Абдул-Мессии»	44
На прощанье	46
Переводы	
Народная баллада о барсе и об охотнике	51
Илья Чавчавадзе	
Пахарь	55
Элегия	57

Поэт	58
Базалетское озеро	60
Акакий Церетели	
Песнь матери	62
Грузинка	64
Рассвет	68
Сновидение	71
Слова любви и нежности напрасны	74
Важа Пшавела	
Пир	75
Орел	76
Ночь в горах	77
Цыпленок	80
Любовь	81
Письмо солдата-пшава	83
Александр Абашели	
Рождение стиха	86
Солнечный день	87
Вечернее облако	88
Ираклий Абашидзе	
Из «Дманиси»	89
Виктор Габескирия	
Заяц	92
После дождя	93
Иосиф Гришашвили	
Сборщица цитрусов	95
Родине	96
Георгий Леонидзе	
Иорская ночь	98
Я читал «Житие Грузии»	100
Нине Чавчавадзе	101
Грузинским воинам	102
Алио Машашвили	
Братья	104
Лира (Сванскак баллада)	106
Думы матери	110
Ило Мосашвили	
Колхидское утро	113
Фазан	115
Женщина у родника	116
Ночь в лесу	117
Галактион Табидзе	

Я и ночь	119
Луна над Мтацминдой	121
Симон Чиковани	
Садовник Картли	124
Сомнение	126
Ласточкино гнездо	128
Хвала плодам	131
Давид Гурамишвили в Магдебургской крепости	134
Сандро Эули	
Поэт-партизан	138
Три кавказских брата	140